

Ж.В. Бурцева

DOI: 10.25693/SVGV.2022.39.2.011

УДК 821.554

Специфика сюжетно-повествовательной организации повести Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего»

Научная новизна заключается в том, что впервые исследуются сюжетно-композиционный, пространственно-временной, описательный и речевой уровни первой юкагирской повести «Жизнь Имтеургина-старшего» Т. Одулока, заложившей традиции становления и развития крупных повествовательных жанров и форм. Впервые рассмотрены способы реализации авторского сознания в сюжетно-повествовательной организации текста первой юкагирской повести, выделены основные образы, мотивы, символы, определившие специфичность локального Северного текста.

Целью исследования является выявление основных способов организации повествования в первой юкагирской повести, которые повлияли на формирование устойчивых значений повествовательной традиции Северного текста. *Задачи:* рассмотреть повествовательно-речевую организацию и особенности сюжетно-композиционного построения, определить тип повествования.

Методы исследования: структурно-семантический, нарративный, историко-культурный, биографический.

Результаты. Впервые на материале прозы Тэки Одулока представлен опыт исследования сюжетно-повествовательной и сюжетно-композиционной организации повести. Изучены особенности семантики нарратива, его структуры как художественного высказывания (автобиографический тип рассказывания, образ рассказчика (автобиографический субъект «я как другой»), сказовая поэтика, жанровые особенности, восходящие к устно-поэтической традиции, преданиям, легендам и мифам, а также форме «нъиздыл» – рассказа, повествующего о вполне реальных событиях прошлого, соотношении автора биографического и автора-субъекта сознания, выражением которого является само произведение, лаконичный язык, присущий фольклорной повествовательной традиции, организующая роль предисловия, своеобразие пояснений и комментариев и другие, выделены пространственно-временные особенности (пространственное восприятие образов, семантика пути-кочевья, авторское видение исторического героя, реалистичность, этнографизм и натурализм изображения и другие).

Ключевые слова: юкагирская повесть, Тэки Одулок, повествовательно-речевая организация, тип повествования, сюжетно-композиционное построение, первые эпические произведения, северный текст литературы Якутии, нарратив

© Бурцева Ж.В., 2022

I. Введение. Если рассматривать северную литературу Якутии как локальный текст в его диахроническом и синхроническом срезе, можно предположить, что он содержит в себе ядро (центральное поле) и множество микрополей, т. е. имеет многополярную структуру. Его динамичность во времени состоит в том, что часть элементов ядра может утрачивать свою актуальность, а отдельные элементы из ближайшей периферии могут становиться константами. Закрепление каких-то фрагментов локального текста в письменной традиции способствует сохранению и актуализации его как «места памяти». Следуя данной концепции, реконструируемый Северный текст характеризуется:

- подвижностью во времени (дополняется новыми смыслами и символичностью);
- многослойностью, неоднородностью – содержит смысловое ядро и периферию;
- дискретностью и семантической связностью, единством лексики и интерпретационных кодов (выражается в наборе устойчивых мотивов, сюжетов и образов, речевых формул и т.д.).

Историческое существование любого локуса наполняется цепочкой символизации, результаты которой закрепляются в фольклоре, топонимике, путевых очерках, исторических и документальных повествованиях, в широком многообразии речевых жанров, повествующих об этом месте, и, наконец, в художественной литературе. Восприятие образа места происходило глазами первопроходцев, путешественников, писателей и ученых, ссыльных и местных жителей. В процессе символического освоения места формировались смысловые константы, которые становятся доминирующими категориями описания места и начинают программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций.

В первых произведениях начала XX столетия основоположников северной литературы Якутии Т. Одулока, Н. Тарабукина формируется уникальный тип национальной модели мира, который определяется и через то пространство (место, ландшафт), в котором живет народ, через «природу, среди которой вырастает народ и совершает свою историю», она – то, что «определяет лицо народа. Она – фактор постоянно действующий» [Гачев, 1998: 27].

Первые произведения северных авторов начинают транслировать определенный тип повествования в прозаических текстах – систему приемов и речевых средств, мотивированную единством выбранной автором точки зрения повествователя или персонажа, организующей весь текст, значительное его пространство или отдельные его фрагменты.

Данная статья, не претендующая на полноту описания, посвящена исследованию основных повествовательных уровней первой юкагирской повести (повествовательно-речевая организация, а также сюжетно-композиционный, пространственно-временной уровни). *Теоретическая и практическая значимость* обусловлены тем, что впервые разрабатывается новый методологический подход к изучению первых эпических произведений с точки зрения повествовательной организации и позиций нарратологического анализа, что позволит выявить специфику Северного текста как системы определенного повествовательного ряда.

Теоретическую основу составляют труды по проблемам поэтики М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, З.Г. Минц, Б.В. Томашевского, О.М. Фрейденберг, С.Н. Бройтмана, Е.М. Мелетинского, Б.М. Гаспарова, В.И. Тюпы, С.Ю. Неклюдова, Н.Д. Тмарченко, Ю.В. Манн, Ю.Б. Борева, Ю.С. Степанова, В.В. Абашева, Н.П. Анциферова, Н.Е. Меднис, Е.Ш. Галимовой, И.З. Вейсман, Л.В. Воробьева, Б.А. Успенского, В.Е. Хализева, И.В. Силантьева и др.

В данной статье автор отталкивается от понимания литературного текста как «совокупности высказываний, монологов и диалогов, принадлежащих автору, рассказчику, персонажу» [Барковская, 2004: 16]. Поэтому в произведении важно осмыслить сам процесс *наррации* («*рассказывания*»), который выполняется в форме того или иного режима повествования, предполагающего определенный способ построения эпического произведения или «способ воплощения авторского сознания в эпическом тексте» [Топоров, 1995: 63].

II. Материалы и методы. В статье предпринимается попытка создания концепции структурно-семантического анализа на материале повести Н.И. Спиридонова–Тэки Одулока, которая будет способствовать раскрытию внутренних связей и соподчиненности компонентов ху-

дожественного произведения. Структурно-семантический подход базируется на таких понятиях, как содержание и форма, структура и семантика, связи и функции элементов в тексте, а также выделяет и систематизирует компоненты текста, участвующие в построении художественного целого.

Исследование выполняется в русле современных неизученных проблем поэтики локального текста, понимания местности как текста, семиотической парадигмы рассмотрения культуры и литературы в целом. Концепции локального сверткста В.Н. Топорова и Н.Е. Меднис применительно к Северному тексту русской литературы осмыслены в трудах Е.Ш. Галимовой. По определению исследовательницы, «это создававшийся преимущественно на протяжении столетия (с начала XX в. до наших дней) в творчестве многих русских писателей особый северорусский вариант национальной картины мира, наделенный, наряду с индивидуальными, отражающими своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [Галимова, 2010: 9].

Так называемая поэтика пространства направлена на то, чтобы показать место как бы с точки зрения «бытийного центра мира» [Абашев, 2000: 395] и тем самым идентифицировать место как порождающее начало. Поэтику пространства следует понимать «как многократное прочитывание и переосмысление текста с выявлением различных смысловых доминант, в данном случае – преимущественно связанных с местом» [Башмакофф, 2006: 4].

Одними из важных условий нарративного прочтения произведения является коммуникативное понимание природы литературы, предполагающее наличие коммуникативной цепи, которая включает отправителя информации, само сообщение (текст) и получателя информации, а также установку на знаковый характер коммуникации, требующий кодирования и дешифровки, и соотнесенность этих знаков с внелитературной реальностью и художественной традицией; представление об акте художественной коммуникации как о процессе, происходящем одновременно на нескольких повествовательных уровнях [Ильин, 2001: 167].

Таким образом, в анализе повести Н.И. Спиридонова–Тэки Одулока мы исходим из пони-

мания того, что в процессе истолкования текста всегда должен «присутствовать „третий элемент“, первый – „личность читателя“, второй – „авторский текст“, третий же, посредством которого осуществляется понимание различен: социальная действительность, породившая текст (социологический анализ); аналогичные художественные тексты (сравнительный анализ); факторы культуры (историко-культурный анализ); личность автора (биографический анализ)» [Борев, 2003: 440].

Ранние эпические произведения северной литературы Якутии: юкагирской литературы Т. Одулока (повесть «Жизнь Имтеургина-старшего», 1934), С. Курилова (рассказ «Увидимся в тундре», 1961), эвенской литературы Н. Тарабукина (повесть «Мое детство», 1938) – способствуют развитию крупных повествовательных жанров (С.Н. Курилов – первый юкагирский роман «Ханидо и Халерха», 1969; П. Ламутский – первый эвенский роман «Дух земли», 1987 и многие другие), а также генерируют новые представления о региональной словесности в историко-культурном и семиотическом измерении.

III. Результаты. Предлагаем алгоритм поэтапного описания сюжетно-повествовательной организации первых эпических произведений, выявляющий специфику Северного текста как локальную письменную традицию, которой характерны единство и семантическая связность. В рамках статьи представляются основные семантические, сюжетно-композиционные и пространственно-временные особенности повести. Локальность и уникальность повествовательной традиции, на наш взгляд, выражается автором на следующих основных уровнях.

1. На уровне словесного ряда в самом тексте:
– форма изложения, а именно повествовательно-речевая организация, которая представляет собой устойчивый набор композиционно-речевых форм как функционально-коммуникативных единиц структурирования эпического повествования. Это позволит увидеть точку зрения повествователя и ее эволюцию в дальнейшем в рамках локального текста;

– система приемов и речевых средств, мотивированных единством выбранной автором точки зрения повествователя или персонажа, организующей весь текст, значительное его пространство или отдельные фрагменты. Это обо-

роты речи, диалектизмы, проявление фольклорно-этнографических элементов, фольклорные формы, описание северных реалий, топонимика, обозначение и описание местности, природного ландшафта, географических объектов.

2. На уровне сюжетно-композиционной организации:

– закономерности употребления особо значимых композиционных элементов, особенности развития сюжета, его связь с героями и основными проблемами, тип повествования и жанровая форма. Словесный (повествовательный) ряд, т. е. процесс рассказывания в произведении строится на сюжетно-композиционном уровне.

3. На уровне образного высказывания:

– пространственные образы, топика, метафорика, символика, интертекстуальность, способствующие образованию нарративов.

4. На уровне функционирования основных мотивов, которые рассматриваются как целостный элемент повествовательного языка, вариативно реализующийся в повествовательной речи (образующих определенную единую мотивную структуру, например, в повести Т. Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего», автобиографический в своей основе мотив «памяти» и его семантические варианты – мотив поколения, мотив исторического прошлого, мотив воспоминания и др.; мотив кочевья, выполняющий композиционную, сюжетообразующую и смысловую роль – мотив дороги, путешествия, тундра как пространство свободы, бинарные оппозиции жизнь (кочевье, олени) и смерть (оседлый образ жизни, отсутствие оленей), добро/зло, свой/чужой и др.).

На этой основе формируется этническое сознание, этническая ментальность, которая выражается не только в уникальной тематике и образности, но и в создании особой картины мира, восприятия действительности, характерной только для жителей этого локуса. Авторское сознание в художественном произведении может быть проявлено и как своеобразная модель мира, и как реализация сознательно избираемых стратегий и тактик организации текста, выражающих авторские интенции.

Так, в основе русскоязычной повести юкагира Т. Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего», изданной в 1934 г. в Ленинграде, лежат автобио-

графические сведения и события, но художественно переработанные. Как известно, данная повесть композиционно начинается с прямого авторского слова, в котором излагается биография автора. Предисловие носит разъяснительную функцию. Автор подготавливает читателей к восприятию художественного произведения, раскрывает свой замысел, комментирует и интерпретирует события, персонажей, репрезентируя и себя, и главного героя, определяет пространственные координаты повествования. «На самом севере Дальневосточного края есть река Ясачная, темноводная, извилистая. Она впадает в большую Колыму, текущую в Северное полярное море... На реке Ясачной, среди ивовых зарослей, в шатре из оленьей кожи родился я – пишущий эту книгу» [Одулок, 1987:19].

Предисловие является важным компонентом художественного текста, так как является прямым авторским словом, а также служит передачей концепции мира, в которой «обнаружили себя специфические способы реализации авторского сознания, утверждающие уникальность индивидуальной авторской речи, авторского стиля, авторского художественного языка» [Лазареску, 2005: 227]. Предисловие выполняет некую организующую роль, рассматривается исследователями как «рама произведения», наряду с именем автора, заглавием, подзаголовком, посвящением, эпиграфом, оглавлением, послесловием, авторскими примечаниями. Все перечисленные компоненты произведения прочитываются «не по отдельности, а в их связи друг с другом и с основным текстом произведения, так как в художественном целом выполняемые ими функции могут перераспределяться» [Ламзина, 2001: 849]. В конечном счете предисловие «придает произведению характер завершенности, усиливает его внутреннее единство, обнаруживает присутствие автора в произведении, его ориентацию на определенного адресата» [Ламзина, 2001: 848].

Становится ясным, что предисловие как форма выражения авторского сознания, позволяет вместить в себя различные дискурсы: биографический, эпистолярный, публицистический, художественный, литературно-критический. Так, помимо изложения автобиографии, предваряется фабула и сюжет. По замыслу автора «книга» состоит из трех частей, две из которых

должны были быть посвящены Имтеургину-младшему. В свет вышел только небольшой рассказ «Имтехай у собачьих людей», который также требует изучения. Есть все основания утверждать, что «книга» хоть и композиционно не закончена, но в самой повести художественно-эстетические функции, архитектурная форма и сам эстетический объект созданы и завершены. В этом смысле открытый финал повествования как свойство внешней незаконченности не говорит об отсутствии внутренней целостности и завершенности. Хотя существуют и противоположные мнения, даже споры об авторстве Тэки Одулока.

Реальное пространство, обрисованное в повести, охватывает географически широкий Колымский округ, по местам проживания тундренных или оленных людей. В этом суровом северном пространстве автором показаны совершенно необычные для осознания формы природного бытия и человеческого обитания, но естественные для самого автора. Уже в самом начале рассказчик погружает читателей в атмосферу снега, зимы, холода, тундры, всецело властвующей дикой неуправляемой стихии, с которой ведет борьбу тундренный человек.

По словам М.М. Бахтина, предметно-образительный мир составляет лишь внешний уровень текста, но глубинные слои смыслов стоит искать в характере самой организации и развертывании словесного целого. Отчетливо прослеживается собственно авторская установка на пространственное, символическое и мифологическое восприятие образов. Красный цвет северного сияния воспринимается Имтеургином кострами верхних людей, которые «укочевали» при появлении зеленого цвета, напоминающего весенний лед. Мифологическое представление о северном сиянии заключается в том, что, согласно преданиям, в том числе и якутским, его называют «дьюкээбил уоттара». Эти «юкагирские огни» появляются от костров когда-то многочисленных юкагирских стойбищ. Рыжий цвет неба ассоциируется у него с оленьей печенкой, в конечном счете он думает о злых духах, перелезающих разноцветные рубахи.

Все описания окружающей природы и природных стихий подчеркивают национальную, социальную, жизненную значимость той естественной среды обитания, в которой родились

автор и главный герой, передающих «правду видения». Внешне-речевая организация воссоздает трепет, уважение и первобытный страх перед силами природы: «нельзя спать! Все замерзнете», «Я олень! Я вожак! Я снега не боюсь, обезножья-болезни не боюсь!», «Олени мои льда не боятся», «сказал и сам испугался», «худое слово – как острое копьё, может на оленей беду навести», «подумал Имтеургин и вдруг испугался» [Одулок, 1987: 22–23], «Кутувья вернулся домой, руки у него тряслись» [Одулок, 1987: 26].

В русскоязычной повести встречаются безэквивалентные слова-реалии с авторскими пояснениями («йоронга», «келе», «уткучин» и др.), которые выполняют особую лингвостилистическую функцию, подчеркивают этнический исторический колорит. «Мысль писателя реализуется в определенной художественной структуре и неотделима от нее» [Лотман, 1970: 4], поэтому важно рассматривать художественный текст в совокупности всех его элементов. Примечания и комментарии как «второй голос» являются неотъемлемым компонентом лингвокультурологического текстологического исследования художественного текста. Автор дает истолкование лексики, называющей реалии мира природы, бытовые, ономастические, фольклорные, исторические, этнографические, мифологические реалии и другие. Так, например, выражение «отрезать ветер» происходит из древних мировоззренческих мифологических представлений чукчей, которые считают, что его останавливают заклинанием или внезапным криком. Проведение обрядов, как правило, сопровождается определенной речевой формульностью. По утверждению Ю.Г. Хазанкович: «Формульность заговора Одулок стилизует посредством сохранения его интонационно-синтаксической составляющей» [Хазанкович, 2018: 75]. По своей структуре заговор представляет собой набор реальных заклинательных формул и действий. Так, Имтеургин отводит духов «обезножья» (копытицы – оленьей болезни) при помощи ножа и прямого обращения в повелительном наклонении: «Убью! Забодаю! Обезножье зарезу! Лучше уходите!» [Одулок, 1987: 23].

Своеобразная закодированная картина мира, особый образный, поэтический тип мышления, исходящий из освоения северного пространства, нашли выражение в системе летоисчисления и в

народных названиях месяцев. Прошлым снегом или прошлой зимой именуется прошедший год. Чукотская зима имеет продолжительность восемь месяцев. Остальные четыре месяца – весна, лето и осень. Месяцы в переводе с чукотского носят свои названия: январь – упрямого оленьего быка, февраль – зябнувшего оленьего вымени месяц, март – выпадения волос у оленьего вымени месяц, апрель – рождения телят месяц, май – появления воды месяц, июнь – появления листьев месяц, июль – месяц тепла, август – месяц, когда олени обдирают рога, сентябрь – месяц заморозков, октябрь – месяц холода, ноябрь – узкого мяса месяц, декабрь – узкого дня месяц.

Осознание человеком себя всегда происходит в его взаимоотношении с окружающим миром и ландшафтом. Мифологизм, пронизывающий сознание и жизнь тундренного человека, рожден стремлением выжить в категорически неприемлемых для человека условиях. Если в русской литературе Север зачастую воспринимается местом, куда бежали и куда ссылали, т.е. ассоциируется с «чужим» пространством, то в литературе малочисленных народов, конечно, Север – это естественная среда обитания, его символические и мифологические трактовки многократно усложняются ландшафтно-климатическими условиями рождения и проживания. Это выражается в том, что Север всегда по отношению к ситуации героя здесь и сейчас, он идентифицирован с самим героем. Поэтому, несмотря на важную, сюжетообразующую роль кочевья, главным предметом авторского осмысления становится процесс взаимоотношений оленного человека с Севером.

Эпическое повествование в принципе невозможно без автобиографических приемов, субъективного авторского начала, и в данном произведении автобиографический субъект «я как другой» в самом тексте одновременно и присутствует, и отсутствует. Все переживания, испытания, интуитивно-стихийное постижение мира, которыми наделил автор Имтеургина, изображены живо и убедительно. Мы наблюдаем в некотором смысле психологический параллелизм автора биографического и автора-субъекта сознания, выражением которого является само произведение. Все события, описанные в повести, приобретают мифологическую глубину и обобщенность.

«Мы понимаем под биографией или автобиографией (жизнеописанием) ту ближайшую трансгredientную форму, в которой я могу объективировать себя самого и свою жизнь художественно». Гораздо более значимым является вопрос о способах воплощения «биографического ценностного сознания» [Бахтин, 1979: 139–140]. Размышляя над соотношением документализма и художественного вымысла, Л.Я. Гинзбург утверждает, что в творчестве отдельных писателей автобиографизм уступает место «автопсихологизму», так как важнее не совпадение жизненных реалий или биографии автора, а их внутреннее психологическое родство [Гинзбург, 1979: 6].

Мы считаем новаторством то, что форма биографии и автобиографии в повести Тэки Одулока представляет собой повествование от третьего лица (безличное), но в настоящем времени, в котором используются глагольные формы несовершенного вида настоящего времени. Которые, как известно, обозначают незаконченное, длительное, без ограничения во времени действие или процесс. Такая форма несобственно-прямой речи позволяет проследить описываемые события глазами персонажа без его самоидентификации через первое лицо, а также невозможную для разговорного языка фигуру говорящего в третьем лице.

Повесть имеет специфические жанровые особенности, что выражается в автобиографическом типе изложения, употреблении формы сказа или неторопливого рассказа. Такие тенденции восходят к устно-поэтической сказовой традиции юкагиров (преданиям, легендам и мифам), а также форме «нъиэдзил» – рассказа, повествующего о вполне реальных событиях прошлого. Тундренные юкагиры определяют его следующим образом: «Это не сказка – это рассказ» [Фольклор юкагиров, 2005: 27]. Исходя из содержания данных повествовательных текстов, в фольклорной юкагирской несказочной прозе особое место занимают автобиографические рассказы. Выделяются две разновидности юкагирского рассказа, первый – просто «нъиэдзил», второй – «чуольэдьи нъиэдзил» (рассказ о древних людях, который приближен к преданиям и легендам, находясь между «каравал» – сказкой и «нъиэдзил» – рассказом). Предания, как правило, повествуют о событиях глубокой

древности, заложивших начало истории того или иного рода и племени.

Интересен тот факт, что в юкагирском сказании героического характера об Эдилвее (наиболее полный вариант, записанный А.Н. Лаптевым от сказителя Н.Т. Трифонова), враждебными иноплеменниками выступают именно чукчи. У чукчей также существуют исторические предания о борьбе с соседними племенами, таньгами и айванами (под таньгами – подразумеваются коряки, юкагиры, русские, под айванами – эскимосы) [Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки, 1974].

В собирательный образ главного героя чукчи Имтеургина автор вложил лучшие качества оленного человека, такие как храбрость, честность, бескорыстие, выносливость, сдержанность, единение с природой. Реализация мотива кочевья, дороги, в который заложена оппозиция жизни-смерти, раскрывает понятийную модель мира. Кочевник как вечно движущийся образ не мыслится без пространственного развертывания сюжета, при этом главной метафорой его пути является бескрайняя тундра.

Автор мастерски лаконично, правдиво передает в одной небольшой повести всю жизнь человека с помощью точных и метких деталей, коротких диалогов и монологов, смысловой емкости, диалектики личной и исторической судеб, проникает в глубины созданного характера. В основе сюжета повести трагические события в жизни главного героя, одаренного охотника и оленевода, но в центре внимания только не только судьба человека, а трагедия семьи, целого народа, времени, положения, исторической правды, самого пространства, среды, ландшафта.

Автобиографическое повествование превращается в полномасштабную картину бедствий северян, показанную в бесконечных внешних и внутренних конфликтах, с которыми сталкивается Имтеургин: люди Эрмечина во время пурги вероломно угоняют к себе почти всех оленей; русский купец поит царской водой и забирает лучшие шкуры, которые Имтеургин отдает за большой медный чайник, но его не получает; гости Эрмечина убивают сына Кутувью; наступает голод семьи, в то время купец требует, чтобы его собак накормили мясом последних оленей; Имтеургин ходит по опустевшей земле и не находит добычи; голод заставляет женщин пи-

таться замерзшими белыми червяками, а маленького Имтеургина – сосцами собаки; Имтеургин от безысходности идет пасти чужих оленей к убийце сына, чтобы оставшиеся члены семьи выжили.

По ходу нарастания этих событий автор представляет историю освоения Севера как драматичное и тяжелое время, при этом, несмотря на образно-метафорическое видение, обстоятельства излагаются с документальной лаконичностью, что можно назвать прозой, выстраданной документально. «Так и дрогнула от грохота тундра. Люди прыгнули в сторону. И не успели поднять копыя, как опять загремели выстрелы» [Одулок, 1987: 82]. Это подтверждает мысль Л. Чуковской о том, что «подлинность материала делает повесть настоящим документом времени» [Чуковская, 1959: 179].

Если говорить о фольклорной повествовательной традиции, то «наружная незамысловатость юкагирских текстов и скудность выразительных языковых средств» объясняется «доминированием в фольклорной традиции мифологического начала, влияющего на внешнюю и внутреннюю формы произведений» [Прокопьева, 2014: 171]. Как отмечает В.И. Иохельсон, говоря о содержательных и формальных чертах повествовательного фольклора юкагиров: «В записанных рассказах мы видим переходящие из поколения в поколение предания о действительных фактах, едва прикрашенных фантазией» [Иохельсон, 2005: 25].

В этом плане психологический и эмоциональный «накал» в повести выражается во внутреннем драматизме, который создается несколькими способами. Во-первых, посредством сна Имтеургина, в котором на него нападает голодный медведь. «Вдруг треснула подо мной ветка. У, беда! – медведь на меня спереди идет. Рыжий весь, прямо как огонь горит. Сам тощий, кишки высохли, брюхо к хребту прилипло» [Одулок, 1987: 32]. Сон как прием сюжетосложения выполняет функцию предчувствия и художественной проспекции событий. Во-вторых, благодаря двуплановости сюжета, а именно наступление торжествующих над тундренным человеком обстоятельств, сил, среды, истории и тоска героя о другом сюжете. Так, повесть основана на соотношении двух структурных звеньев сюжета, двуплановой композиции, временных

пластов «до» и «после». В начале повести Имтеургин-старший предстает замечательным оленеводом и охотником, имеющим большое стадо оленей, который передает свое удачливое имя сыну: «У меня хорошее имя. Оно мне давало удачу – олени у меня есть, огонь есть, жена у огня сидит, дети мне помогают» [Одулок, 1987: 36]. Далее все происходящие события в его жизни символически осмысливаются как трагическое индивидуальное и трагическое общее. Автор повествует о непоправимом зле, связанном с освоением земель аборигенов Севера, которые вышли прямо из природы, в социальный вызов времени. Имтеургин, покорно следуя древнему обычаю, глубинным ценностям национального самосознания, выполняет просьбу гостя и кормит собак купца последними оленями, подвергая себя и свою семью голодной смерти. В конце с обреченностью Имтеургин-старший спрашивает у себя и жены: «Как жить будем?».

Ответ на этот вопрос обращен к Имтеургину-младшему как передача судьбы и истории рода: «Мы с тобой одни теперь живем. Прежде нас много было, и олени у нас свои были. Большой человек твой отец был. Первый охотник. А теперь твой отец чужое стадо пасет» [Одулок, 1987: 93]. Мы наблюдаем доведение фабульной линии до открытого финала.

Определение «нон-финито» (non-finito) [Борев, 2003: 480] рассматривает многовариантный финал как значимую часть формальной структуры. Таким образом, сюжетно-композиционная организация обеспечивает раскрытие правдивой проблематики как в рамках индивидуальной судьбы героя, так и на социально-историческом уровне, все образы-факты и образы-метафоры, образы-символы, образы-архетипы тесно переплетены между собой. Дальнейшие исследования помогут воспроизвести «образ и историю места» в первых произведениях северной литературы как сумму его основных семантических характеристик и образных кодов; выявить максимально репрезентативный ряд смысловых доминант, которые в данном локальном тексте стали фактором текстопорождения и транслировали литературную реализацию локального мифа, тем самым заложили основы для последовательного развития традиции.

IV. Обсуждение. В 1934 году Тэки Одулок публикует повесть «Жизнь Имтеургина-стар-

шего», которую он написал под впечатлением поездки на Чукотку. Повести предшествовал первый путевой очерк «На Крайнем Севере», написанный по материалам экспедиций 1925–1928 гг. «В юкагирскую литературу документальная проза вошла в форме описания путешествия» [Потапова, Хазанкович, 2018: 244]. В данном очерке отчетливо проявляется картирующая функция, так как текст написан по следам реального путешествия. «Это один из первых опытов документально-художественной путевой прозы, композиционно построенной по модели путевого дневника, что позволяет охарактеризовать его как жанровую форму травелога» [Бурцева, 2020: 123].

Выход повести в свет с восторгом восприняли Алексей Толстой, Александр Фадеев, Виталий Бианки, Геннадий Гор и многие другие писатели. Книга трижды издавалась при жизни автора, была переведена на несколько языков, опубликована в Праге, Париже, в Лондоне под названием «Снежные люди».

Известно, что А.М. Горький восторженно отзывался о знаковом произведении: «Юкагир один хорошую книгу написал – «Жизнь Имтеургина-старшего». Я приехал домой со съезда, взял посмотреть и прочитал всю. А в книге страниц 150. Хороша! До двух часов ночи читал. И поражался: огонь добывают деревянным сверлом <...> А как там все описано! Совершенно неизвестная жизнь открывается перед читателем» [Горький и Якутия, 1968: 85].

В 1935 году выходит роман Владимира Тан-Богораза «Воскресшее племя» [Тан-Богораз, 1987], посвященный возрождению разоренного и полуистребленного племени юкагиров, обреченных на вымирание в царской России. «Русские завоеватели северной Сибири были во многом подобны испанским конкистадорам, покоровших Америку. Страдания и бедствия юкагиров не являются исключением, они типичны для всех народностей Севера» [Тан-Богораз, 1987: 4]. Как известно, Тэки Одулок был учеником В.Г. Тана-Богораза, и талантливый ученик послужил прототипом героя по имени Кендык.

Критическая полемика вокруг повести, «подписанной именем Тэки Одулока», развернулась в статьях известного критика В. Огрызко, в которых выдвигалось предположение, что данный творческий продукт есть результат художе-

ственного сотворчества юкагирского автора и С.Я. Маршака. В статье «Был ли юкагирский писатель японским шпионом?» В. Огрызко считает недостатком повести изображение русских «пришельцев» в негативном свете, что они «сознательно взялись за поголовное спаивание и обирание кочевников». «Я не утверждаю, что русские всегда несли на Север только свет. Но и огульно всех русских причислять к разбойникам, думаю, тоже было бы неверно. А Одулок очень многие сцены дал исключительно в черно-белых тонах» [Огрызко, 2013].

Разнобой в оценках больше свидетельствует об эстетических вкусах критиков, чем об объективной ценности произведения как литературного явления. Возвращение имени Тэки Одулока связывают с рецензий Л. Чуковской «Об одной забытой книге». «Мне хочется напомнить об одной забытой книге, созданной человеком бывалым, знавшим изображенную им жизнь во всех мелочах труда, религии, быта, во всей огромности ее горя» [Чуковская, 1959: 177]. Повесть в разное время становилась предметом исследования А. Пошатаевой, А. Михайлова, Ю. Хазанкович, а также Г. Курилова–Улуро Адо, в частности, все исследователи уделяют внимание ее уникальности, автобиографичности и огромной роли в становлении северной литературы.

V. Заключение. В ранних произведениях основоположников северной литературы формируются особые «механизмы» конструирования художественного текста (принципы поэтики, повествовательные стратегии, особенности композиционного построения, сюжетосложения, литературные персонажи и т.д.), исходящие из освоения прежде всего образа Крайнего Севера как географического и исторического пространства, транслировании образа места и человека в нем как многоуровневой и иерархической системы знаков, речевых, ментальных, визуальных стереотипов, мотивов и сюжетов, устойчивых образов.

Автобиографизм – это не только жанровая примета ранних произведений северной литературы, его можно назвать коренным свойством стиля и художественного мироощущения писателей-северян. Мифологизм – это прежде всего авторская, мировоззренческая основа, общая линия понимания вещей и внешнего природно-

го мира, что является обобщающим качеством всей художественной системы произведений, посвященных Северу. Оба понятия могут выступить как ведущее стилистическое средство, как основа сюжета и способ создания образов персонажей.

Можно заключить, что Тэки Одулок оставил свое уникальное видение исторического героя и времени. В художественной картине мира, представленной в повести, проявились как реалистичность, этнографизм и натурализм изображения, так и фольклорная повествовательная традиция, они «перетекают» друг в друга, создавая сложные подтекстовые смыслы. Повесть характеризуется употреблением формы сказа или неторопливого рассказа, жизнеописания, что напрямую свидетельствует об автохтонной фольклорной традиции (форме «нъиздыл»), с помощью которых автор организует и способ восприятия своего героя. Сознание тундренного человека Имтеургина пронизывает архаическая ментальность, в связи с чем он сталкивается с непреодолимостью социальных потрясений. При рождении сына «Имтеургин высоко прыгал и кричал во все горло, ревел по-медвежьи, выл по-волчьи, лаял по-лисьи и каркал как ворон. Это он пугал злых духов» [Одулок, 1987: 35]. Поведение героя воплощает чистое, не испорченное цивилизацией сознание, свободное от материальных ценностей.

Освоение пространства кочевником осуществляется движением по пути, при этом «онтологический» и «антропологический» мотив движения как единственный способ бытия, также восходит к архаике. Поэтика простора, выраженная в образе тундры, проявляется через такие семантические и эстетические параметры, как восприятие открытого пространства по горизонтали, ширь, даль, безграничность, возможность свободного движения «в любую сторону».

В повести преобладают речевые формы, приемы и языковые средства, в которых в субъективированном повествовании отражается авторское сознание как метатекстовой категории. Произведению присущ такой тип речевого взаимодействия персонажа и рассказчика, как смена повествовательных голосов, что проявляется в контаминации 1-личного и 3-личного повествователя, появлении автобиографического субъекта «я как другой». В типе изложения мы наблюда-

даем приметы устности и рассказывания, а также спонтанного, неподготовленного и простонародного характера монолога и диалога героев, что также является характерными чертами сказовой поэтики. Сказ рассматривается как повествовательная система, способная воспроизводить слово или мироощущение представителя народа.

Таким образом, северная литература Якутии понимается как незамкнутое сверхтекстуальное единство со своими внутренними законами функционирования и развития, а также рядом заданных параметров, влияющих на творческие поиски авторов региона. Страницы истории освоения Крайнего Севера уходят вглубь веков, и, если проследить его хронологическую характеристику в диахроническом срезе, становится очевидным, что само место выступает в роли генерирующего начала, которое потом перерастает в символику культуры.

Список литературы:

- Абашев В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
- Барковская Н.В. Типы повествования и их анализ // Филологический класс. 2004. № 1 (11). С. 16–25.
- Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Башмакофф Н. Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства // История и повествование [Под ред. Т.В. Обатнина и П. Песонена]. М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 567–591.
- Боров Ю. Эстетика: Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: Астрель: АСТ, 2003. 575 с.
- Бурцева Ж.В. Путевой очерк Тэки Одулока «На Крайнем Севере»: проблемы жанра и литературного картирования // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2020. № 1. С. 123–130.
- Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы как сверхтекст // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. Архангельск: Солти, 2010. С. 8–15.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 1998. 432 с.
- Гинзбург Л. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979. 223 с.
- Горький и Якутия. Якутск: Якуткнигоиздат, 1968. 260 с.
- Ильин И.П. Нарратология // Постмодернизм. Словарь терминов. М: INTRADA, 2001. С. 141–143.
- Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
- Лазареску О.Г. Литературное предисловие как феномен художественного текста // Поэтика заглавия: сборник научных трудов РГГУ. М.: Тверь, 2005. С. 217–229.
- Ламзина А.В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий [Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин]. М, 2001. С. 848–853.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М: Искусство, 1970. 384 с.
- Огрызко В. Был ли юкагирский писатель японским шпионом // Литературная газета. 2013. № 35.
- Одулок Т. Жизнь Имтеургина-старшего // Под поллярными созвездиями. Якутск: Якутское книжное издательство, 1987. С. 19–95.
- Потапова Е.А., Хазанкович Ю.Г. Образ Севера в путевых очерках Н. Спиридонова–Тэки Одулока и Н. Курилова // Русский язык и литература в современном образовательном пространстве: диалог культур. Чебоксары: «Интерактив плюс», 2018. С. 243–246.
- Прокопьева П.Е. Изобразительные средства в повествовательном фольклоре лесных юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 170–174.
- Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки [Сост., предисл. и прим. Г.А. Меновщикова]. М.: Наука, 1974. 647 с.
- Тан-Богораз В.Г. Воскресшее племя. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. 576 с.
- Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: к двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: Изд. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1995. 512 с.
- Фольклор юкагиров // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока [Сост. Г.Н. Курилов]. Новосибирск: Наука, 2005. 594 с.
- Хазанкович Ю.Г. Первая юкагирская повесть Тэки Одулока в контексте литератур народов Севера // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 2. С. 74–78.
- Чуковская Л. Об одной забытой книге // Сибирские огни. 1959. № 1. С. 177–179.

References:

Abashev V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature XX veka*. [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century]. Perm: Perm University Publ., 2000. 404 p. (In Russian)

Bakhtin M. *Estetika slovesnogo tvorčestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Art Publ., 1979. 424 p. (In Russian)

Barkovskaya N.V. Tipy povestvovaniya i ih analiz [Narrative types and their analysis]. *Filologičeskij klass* [Philological class]. 2004. № 1 (11). Pp. 16-25. (In Russian)

Bashmakoff N. Lokal'nyj tekst, golos pamyati i poe'tika prostranstva [Local text, the voice of memory and the poetics of space]. *Istoriya i povestvovanie* [History and narrative. Edit by T.V. Obatnin and P. Pesonen]. Moscow: New lit. review, 2006. Pp. 567-591. (In Russian)

Borev Y. *Estetika: Teoriya literatury: enciklopedičeskij slovar' terminov* [Aesthetics: Theory of Literature: Encyclopedic Dictionary of Terms]. Moscow: Astrel: AST Press, 2003. 575 p. (In Russian)

Burtseva Zh.V. Putevoj očerok Teki Oduloka "Na Krajnem Severe": problemy zhanra i literaturnogo kartirovaniya [Travel essay by Teki Odulok "In the Far North": problems of genre and literary mapping]. *Severo-vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2020. № 1. Pp. 123-130. (In Russian)

Chukovskaya L. Ob odnoj zabytoj knige [About a forgotten book]. *Sibirskie ogni* [Siberian Lights], 1959. № 1. Pp. 177-179. (In Russian)

Fol'klor Yukagirov [Folklore of the Yukagirs]. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Sostavitel' G.N. Kurilov* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Compiler G.N. Kurilov]. Novosibirsk: Science Publ., 2005. 594 p. (In Russian)

Gachev G.D. *Nacional'nye obrazy mira: kurs lekcij* [National images of the world: a course of lectures]. Moscow: Publ. Center Academy, 1998. 432 p. (In Russian)

Galimova E.Sh. Severnyj tekst russkoj literatury kak sverhtekst [The northern text of Russian literature as a super text]. *Semantika i pragmatika slova i teksta. Pomorskij tekst* [Semantics and pragmatics of the word and text. Pomeranian text]. Arkhangelsk: Solti Publ., 2010. Pp.8-15. (In Russian)

Ginzburg L. *O literaturnom geroe* [About a literary hero]. Leningrad: Soviet writer Press, 1979. 223 p. (In Russian)

Gor'kij i Yakutiya [Gorky and Yakutia]. Yakutsk: "Yakutknigoizdat" Science Publ., 1968. 260 p. (In Russian)

Ilyin I.P. Narratologiya [Narratology]. *Poetmodernizm. Slovar' terminov*. [Postmodernism. Glossary of terms]. Moscow: INTRADA Publ., 2001. Pp. 141-143. (In Russian)

Khazankovich Yu.G. Pervaya yukagirskaya povest' Teki Oduloka v kontekste literatur narodov Severa [The first Yukaghir story by Teki Odulok in the context of the literatures of the North peoples]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2018. № 2. Pp.74-78. (In Russian)

Lamzina A.V. Rama proizvedeniya [Frame of the work]. *Literaturnaya e'nciklopediya terminov i ponyatij. Glavnii redactor i sostavitel A.N. Nikoljukin* [Literary encyclopedia of terms and concepts. Chief editor and compiler A.N. Nikoljukin]. Moscow, 2001. Pp. 848-853. (In Russian)

Lazarescu O.G. Literaturnoe predislovie kak fenomen xudozhestvennogo teksta [Literary preface as a phenomenon of a literary text]. *Poe'tika zaglaviya: sbornik nauchnykh trudov RGGU* [Poetics of the title: Collection of Scientific Works of the Russian State Humanitarian University]. Moscow: Tver Publ., 2005. Pp. 217-229. (In Russian)

Lotman Yu.M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow: Art Publ., 1970. 384 p. (In Russian)

Odulok T. Zhizn' Imteurgina-starshego [Life of Imteurgin-Elder]. *Pod polyarny'mi sozvezdijami* [Under the polar constellations]. Yakutsk: Yakut book publ, 1987. Pp. 19-95. (In Russian)

Ogryzko V. Byl li yukagirskij pisatel' yaponskim shpionom [Was the Yukagir writer a Japanese spy]. *Literaturnaya gazeta* [Literaturnaya Gazeta]. 2013. № 35. (In Russian)

Potapova E.A., Khazankovich Yu.G. Obraz Severa v putevyh očerках N. Spiridonova-Teki Oduloka i N. Kurilova [The image of the North in the travel essays by N. Spiridonov-Teka Odulok and N. Kurilov]. *Russkij yazyk i literatura v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: dialog kul'tur* [Russian language and literature in the modern educational space: a dialogue of cultures]. Cheboksary: "Interactive Plus" Press, 2018. Pp. 243-246. (In Russian)

Prokopyeva P.E. Izobrazitel'ny'e sredstva v povestvovatel'nom fol'klоре lesny'x yukagirov [Figurative means in the narrative folklore of the forest Yukagirs]. *Filologičeskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Practice]. Tambov: Diploma, 2014. №. 6 (36): in 2 parts. Part II. Pp. 170-174. (In Russian)

Skazki i mify narodov Chukotki i Kamchatki. *Sostavitel, predislovie I primečaniya G.A. Menovshikova* [Fairy tales and myths of the peoples of Chukotka and Kamchatka. Compiler, foreword and

approx. G.A. Menovshchikov]. Moscow: Science Publ., 1974. 647 p. (In Russian)

Tan-Bogoraz V.G. *Voskresshee plemya* [Resurrected Tribe]. Irkutsk: East Siberian book publ., 1987. 576 p. (In Russian)

Toporov V.N. *Bednaya Liza Karamzina. Opyt prochneniya: k dvuhstolietiyu so dnya vy'hoda v svet* ["Poor Liza" Karamzin. Reading Experience: On the

Bicentennial of Publication]. Moscow: Ed. center Ros. state humanitarian. un-ta, 1995. 512 p. (In Russian)

Yokhelson V.I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazy'ka i fol'klora, sobranny'e v Koly'mskom okruge* [Materials on the study of the Yukagir Language and folklore, collected in the Kolyma district]. Yakutsk: Bichik Publ., 2005. 272 p. (In Russian)

Zh.V. Burtseva

The Specifics of the Plot-Narrative Organization of the Teki Odulok's story "The Life of Imteurgin-Elder"

Scientific novelty lies in the fact that for the first time the plot-compositional, spatial-temporal, descriptive and speech levels of the first Yukaghir story "The Life of Imteurgin-Elder" by T. Odulok which laid the foundation for the formation and development of large narrative genres and forms are being studied for the first time. The realization methods of the author's consciousness in the plot-narrative organization of the text of the first Yukagir story are considered also the main images, motives, symbols that determined the specificity of the local Northern text are identified.

The aim of the study is to identify the main ways of organizing the narrative in the first Yukaghir story which influenced the formation of stable meanings of the narrative tradition of the Northern text. *Tasks*: to consider the narrative-speech organization and features of the plot-compositional construction, to determine the type of narration. *Research methods*: structural-semantic, narrative, historical-cultural, biographical.

Results. For the first time, on the material of Teki Odulok's prose is presented the experience of a systematic study of the plot-narrative and plot-compositional organization of the story. The features of the semantics of the narrative, its structure as an artistic statement are studied (autobiographical type of storytelling, the image of the narrator (autobiographical subject "I am like another"), tale poetics, genre features dating back to the oral-poetic tradition, legends, legends and myths, as well as the form "nyedyil" – a story that tells about very real events of the past, the ratio of the author of the biographical and the author-subject of consciousness, the expression of which is the work itself, the laconic language inherent in the folklore narrative tradition, the organizing role of the preface, the originality of explanations and comments and others. The spatial and temporal features are highlighted (spatial perception of images, semantics of the nomadic way, the author's vision of the historical hero, realism, ethnography and naturalism of the image and others).

Keywords: Yukagir narrative, Teki Odulok, narrative-speech organization, type of narration, plot-compositional construction, first epic works, northern text of Yakutian literature, narrative

